

Вяземский П. А. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова: Вместо предисловия <к "Бахчисарайскому фонтану"> // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 152-156.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-152-.htm>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова

Вместо предисловия <к "Бахчисарайскому фонтану">

Кл. Правда ли, что молодой Пушкин печатает новую, третью поэму, то есть поэму по романтическому значению, а по нашему, не знаю, как и назвать.

Изд. Да, он прислал "Бахчисарайский фонтан", который здесь теперь и печатается.

Кл. Нельзя не пожалеть, что он много пишет: скоро выпишется.

Изд. Пророчества оправдываются событием; для проверки нужно время; а между тем замечу, что если он пишет много в сравнении с нашими поэтами, которые почти ничего не пишут, то пишет мало в сравнении с другими своим европейскими сослуживцами. Бейрон, Вальтер Скотт и еще некоторые неутомимо пишут и читаются неутомимо.

Кл. Выставя этих двух британцев, вы думаете зажать рот критике и возражениям! Напрасно! Мы свойства не робкого! Нельзя судить о даровании писателя по пристрастию к нему суеверной черни читателей. Своенравная, она часто оставляет без внимания и писателей достойнейших.

Изд. Не с достойнейшим ли писателем имею честь говорить?

Кл. Эпиграмма - не суждение. Дело в том, что пора истинной, классической литературы у нас миновалась...

Изд. А я так думал, что еще не настала...

Кл. Что ныне завелась какая-то школа новая, никем не признанная, кроме себя самой; не следующая никаким правилам, кроме своей прихоти, искажающая язык Ломоносова, пишущая наобум, щеголяющая новыми выражениями, новыми словами...

Изд. Взятými из "Словаря Российской академии" и коим новые поэты возвратили в языке нашем право гражданства, похищенное, не знаю, за какое преступление, и без суда; ибо до сей поры мы руководствуемся более употреблением, которое свергнуто быть может употреблением новым. Законы языка нашего еще не приведены в уложение; и как жаловаться на новизну выражений? Разве прикажете подчинить язык и поэтов наших китайской неподвижности? Смотрите на природу! лица человеческие, составленные из одних и тех же частей, вылиты не все в одну физиогномию, а выражение есть физиогномия слов.

Кл. Зачем же, по крайней мере, давать русским словам физиогномию немецкую? Что значит у нас этот дух, эти формы германские? Кто их ввел?

Изд. Ломоносов!

Кл. Вот это забавно!

Изд. А как же? Разве он не брал в нововводимом стихосложении своем съемки с форм германских? Разве не подражал он современным немцам? Скажу более. Возьмите три знаменитые эпохи в истории нашей литературы, вы в каждой найдете отпечаток германский. Эпоха преобразования, сделанная Ломоносовым в русском стихотворстве; эпоха преобразования в русской прозе, сделанная Карамзиным; нынешнее волнение, волнение романтическое и противозаконное, если так хотите назвать его, не явно ли показывают господствующую наклонность литературы нашей! Итак, наши поэты-современники следуют движению, данному Ломоносовым; разница только в том, что он следовал Гинтеру и некоторым другим из современников, а не Гете и Шиллеру¹. Да и у нас ли одних германские музы распространяют свое владычество? Смотрите, и во Франции - в государстве, которое, по крайней мере в литературном отношении, едва не оправдало честолюбивого мечтания о *всемирной державе*, - и во Франции сии хищницы приемлют уже некоторое господство и вытесняют местные, наследственные власти. Поэты, современники наши, не более грешны поэтов-предшественников. Мы еще не имеем русского покроя в литературе; может быть, и не будет его, потому что нет; но во всяком случае поэзия новейшая, так называемая романтическая, не менее нам сродна, чем поэзия Ломоносова или Хераскова, которую вы